

«О, как пали сильные».

«Заткнись, Робб»

Грубый ответ Харрена только заставил меня ухмыльнуться: «Мейстер Лювин предупреждал вас обоих, но нет, вы просто продолжали ссориться».

— Заткнись, Робб!

На этот раз на меня огрызнулся Теон, и его взгляд заставил Джона едва сдерживать смех, который стоял рядом со мной, наслаждаясь их страданиями так же, как и я.

«Вы пропустили место»

Теон и Харрен перевели взгляд на Джона, их прищуренные взгляды предназначались для того, чтобы заставить его замолчать. Джону было все равно, когда он поднял руку, указывая на дальний угол загонов. — У тебя тоже немного покраснело лицо, Теон.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что сказал Джон, я попытался предупредить Теона, но было уже слишком поздно, когда он потянулся, чтобы вытереть и без того чистую щеку.

Оставляя мазки дерьма там, где соприкасались его фигуры...

Лицо Теона надолго застыло, напряжение в воздухе росло, пока мы все ждали его неизбежного взрыва. Однако Харрен потерял сознание первым, разразившись непристойным смехом. Я попытался сопротивляться, но, в конце концов, у нас с Джоном тоже начались припадки.

Лицо Теона покраснело от этой насмешки. К сожалению, это только еще больше высветило черноватое дерьмо, размазанное по его лицу, и мы начали новый раунд.

Однако Теон мог только тянуть это так долго: «Ты урод, верно, ты не можешь просто волшебством убрать все это дерьмо?»

Тишина, которая последовала за вспышкой Теона, была оглушительной. Харрен уставился на старшего из нас взглядом, который я обычно видел у него для кашеобразного горошка.

В Винтерфелле стало неписаным правилом: когда другие видели, как его кузен делает вещи, которые можно назвать «волшебными», они просто занимались своими делами.

— Нет, Теон. Я не могу просто «убрать это по волшебству». Харрен казался почти оскорбленным предложением: «Магия — это не игрушка».

— Ты так говоришь, но разве ты не заставил снеговиков Арьи и Сансы танцевать во дворе прошлой луной? Голос Джона был окрашен в веселье, его губы демонстрировали одну из редких улыбок его торжественного брата.

«Это было другое, даже я не могу просто махнуть рукой и заставить что-то исчезнуть». Харрен пошел сгребать дерьмо в углу, на который указал Джон.

— Значит, ты не такой особенный, Лорд Бастар...

«Теон!»

Его взгляд пронзил меня, желание игнорировать мое предупреждение ясно отражалось в его глазах. После долгой паузы он сердито фыркает, его щеки краснеют, когда он держится за то небольшое, что у него осталось.

Теон втыкает лопату в твердую землю загона, прежде чем выйти. «Я собираюсь избавиться от дерьма, а ты можешь закончить остальное».

Я почти ожидал, что Харрен позовет его вдогонку, пригрозив, что расскажет мейстеру Лювину о том, что он рано ушел. Однако Харрен не отвечает, просто кладет остатки своей кучи на лопату, затем возвращается к тележке и сбрасывает ее.

— Он ничего не имеет в виду, понимаете...

Это стало слишком распространенным обсуждением, Теон часто оставлял меня, пытаюсь навести мосты, которые он сжег. В первый год своего пребывания Теон сделал мишенью именно Джона, и, как я ни старался, у Теона просто не было способа обуздать его оскорбления.

Затем пришел Харрен, и по какой-то причине Теон, казалось, тоже сделал из него мишень. Хотя это немного отвлекло его внимание от Джона, я беспокоился за своего кузена.

Оказалось, что это было совсем не нужно. Харрен был более чем способен разорвать Теона в одиночку.

Джон без комментариев вошел в загон, взяв брошенную лопату Теона и начав с того места, где остановился. Я увидел, как Харрен оглянулся через плечо, и с легкой благодарной улыбкой они молча перешли к тому небольшому, что осталось.

В такие моменты было трудно не завидовать тому, как легко крепла дружба между его братом и двоюродным братом.

Нам рассказали о происхождении Харрена еще до того, как он прибыл в Винтерфелл, отец предупредил нас, чтобы мы были осторожны в деталях.

Эта история вызвала у Джона особое любопытство по поводу моего двоюродного брата-ублюдка, ставшего лордом. Было больно вспоминать горькую грусть в глазах моего брата, когда они покидали солярий своего отца. Две недели до приезда Харрена он провел необычайно одиноким и тихим, разговаривая с другими только в случае необходимости.

Я беспокоился, когда Харрен прибыл, что он изолирует себя почти так же, как Джон. Его тихие манеры и грустное поведение не ускользнули от чьего-либо внимания в первые дни его пребывания здесь.

По правде говоря, он, вероятно, все еще не открылся бы нам, если бы мы с Джоном случайно не вошли в Богорощу во время его молитв. Потребовалось несколько, вероятно, грубых вопросов о его присутствии там, прежде чем он рассказал нам, как его отец воспитывал его в Древних Богах.

После этого было просто брать его с собой, когда отец брал нас на молитву или когда он давал уроки старым обычаям Первых Людей.

Теон никогда не стремился присоединиться к ним, утверждая, что старые обычаи Железных островов были его собственными. Я как-то спросил, что это такое, но отец приказал Теону никому из нас не говорить, по крайней мере, пока он не даст своего разрешения.

После этого дружба между Джоном и Харреном быстро окрепла.

— И это последнее.

Харрен и Джон быстро выбрались из-под загона, вероятно, насмотревшись на него за долгое время.

— Нам нужно привести себя в порядок перед уроками. Харрен направился к крепости, когда мы услышали звон колокола. Знак для жителей замка и жителей Зимнего города, что день прошел уже наполовину.

Хотя для нас это обычно означало совсем другое. Это означало, что наши уроки с отцом начинались в Богороще, и никто из нас не хотел в следующий раз чистить конюшни из-за того, что мы слишком опоздали.

"Извините ребята. Похоже, вам придется какое-то время с этим смириться. Я не мог сдерживать смех от того, как смущенно выглядел Харрен из-за всего этого, его ботинки и брюки почти до колен были покрыты ужасными пятнами.

Он бросил на меня нерешительный взгляд, прежде чем мы отправились в Богорощу, его ворчание о несправедливости, Джон и мое развлечение в этой короткой поездке.

Путь занял всего несколько минут, прежде чем в поле зрения появилось Древо Сердца, отец сидел у его корней и вытирал Лед шелковой тканью.

Мягкая ткань; влажный и окрашенный в красный цвет.

Я знал, что отец уехал на рассвете, хотя мать не хотела говорить нам ничего, кроме «проверки ближайшей деревни».

— Проходите, мальчики, садитесь.

Мы двигались быстро, как только могли, через заросли, сев у края горячего источника, покоящегося у подножия большого Древа Сердца.

Отец посмотрел на нас, уголки его рта сжались, когда он увидел состояние Харрена. «Скажите, мальчики, какая самая важная обязанность для Лорда?»

Я пытался вспомнить все наши предыдущие уроки, но они всегда были о богах и верованиях первых людей. Отец никогда раньше не задавал нам такой вопрос так неожиданно.

Что произошло во время его выезда?

Краем глаза я мог видеть Джона и Харрена, их лица скривились в легком замешательстве. Я подавил вздох, как наследник отца, я, вероятно, должен ответить первым.

— Самая важная обязанность лорда Винтерфелла — хорошо править своими вассалами? Я подавил желание взять его обратно, я не хотел, чтобы это звучало так, будто я задаю вопрос, а не отвечаю на него.

Отец слегка улыбнулся, но, прежде чем я успела заволноваться, сказал: — Я не спрашивал о нашем доме, Робб. Я спрашиваю, что является самой важной обязанностью для любого Господа, независимо от того, велик он или низок».

Сморщивание пришло прежде, чем я смог сопротивляться, мой ответ был ужасно ошибочным. Я думал только о своем собственном доме, а не обо всех Лордах в целом. Однако это было неприятно, потому что я не мог придумать ничего общего между Лордом Крепости и Верховным Лордом.

— Гм... — я посмотрел на Харрена, он слегка ерзал под пристальным взглядом отца. «Все лорды имеют свои обязательства перед королем».

Сначала мне хочется отругать себя за то, что я забыл, что все лорды приносят одинаковую клятву королю, но потом мой отец только улыбнулся Харрену, как и мне, и еще раз покачал головой.

— Все лорды Харрен, великие и низшие, то есть даже король.

Плечи Харрена опустились, на лице отразилось знакомое разочарование.

«Все лорды должны охранять мир короля?» Мы все посмотрели на Джона, его брови были нахмурены, как будто он пытался разгадать одну из загадок мастера.

Улыбка отца стала шире, и он кивнул Джону. «Это половина ответа, Джон, соблюдение королевского мира важно. Однако есть еще кое-что, не все, что угрожает людям, придет со сталью и жаждет грабежа».

Затем он поднимает свой меч, и мы все с благоговением наблюдаем, как свет, скользящий сквозь крону древнего дерева-сердца, отражается от дымчато-серого металла. Он исчезает, дюйм за дюймом, в потертых кожаных ножнах.

«Помните, дети, что большинство угроз кровью не решить». Тогда отец отложил Айс в сторону, прислонив его к пепельному стволу. «Голоду все равно, сколько стали вы угрожаете ему. Болезни все равно, насколько велика твоя рука с мечом. Нищета и отчаяние не исчезнут при виде любой армии».

«Долг лорда, его первая и самая истинная обязанность — спасти свой народ от ужасов мира. Не только звери, которые восстают из людей, когда они держат сталь, но и все враги, независимо от того, какую форму они принимают».

Отец, казалось, так сильно постарел в тот момент, превратившись из мудрого и могущественного Господа в выражение лица, которое я когда-либо видел у него только в тот день, когда он вернулся с Теоном.

В этот момент он выглядел таким усталым.

«Ты потерпишь неудачу, каждый Лорд терпит неудачу. Невозможно спасти всех, как бы мы ни старались. Сегодня это были отчаявшиеся мужчины, ищущие выход из жизни, которую никто бы не выбрал. В том темном месте, куда упали их сердца, они взялись за сталь и решили, что их спасение важнее, чем жизни, которые они неизбежно заберут».

Он встал тогда, жестом показывая нам, чтобы стоять в натуральной форме. Мы вскарабкались, Джон чуть споткнулся, прежде чем Харрен схватил его за руку и поддержал. Отец посмотрел на всех нас, его улыбка была давно забыта, его лицо было торжественным, но гордым.

«Быть лордом — все равно что быть отцом, за исключением того, что у тебя тысячи детей, и ты беспокоишься о них всех. Фермер, вспахивающий поля, должен защищать вас, женщины,

моющие полы, должны защищать вас, солдаты, которых вы отправляете в бой».

— Как ты это терпишь? Я посмотрел на Харрена, его голос был низким, почти отчаянным. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, почему Харрен уже был Лордом, а это означало, что жизни его людей уже были на его плечах. — Это... звучит так страшно.

«Я просыпаюсь со страхом утром и ложусь спать со страхом ночью. Если ты не боишься за свой народ, то у тебя нет обряда управления им».

— Но ты ничего не боишься, — быстро вмешался я, я видел, как отец сражался с людьми вдвое больше его на тренировочном дворе, видел, как он уговаривал знаменосцев подчиниться, не более чем приветствием. Он был Старком Винтерфелла, даже если он боялся...

«Как может человек быть смелым, если он боится?» Мой голос звучал слабо, неуверенный, действительно ли я хотел получить ответ.

— Запомни это, Робб. Отец снова улыбался, но улыбка была ломкой и болезненной. «Это единственный момент, когда человек может быть смелым».

<http://tl.rulate.ru/book/84245/2696742>